

Глава 43

Что творит Лю Чжэчжи?

Да он смеет зажимать мне рот?!

Мо Янь не верил своим глазам.

Он уже обрёл человеческий облик, он больше не та маленькая змейка размером с ладонь. Лю Чжэчжи теперь даже до его макушки не дотянется, и всё равно смеет так издеваться над ним, зажимать ему рот?

— Ммф-ммм-ммм!

Отпусти немедленно!

Казалось бы, достаточно просто оттолкнуть его руку, но Мо Янь, словно обезумев, не двигался, продолжая лишь мычать и ругаться.

Лю Чжэчжи, даже не разбирая слов, по выражению его лица и гневным глазам прекрасно понял, что тот снова его поносит.

Какой же хорошей была та прежняя Змейка — маленькая, милая, не ругалась и слушалась.

А теперь... эх...

Лю Чжэчжи мысленно вздохнул. Тело его и так было измождено, и у него не было сил долго держать его, наслаждаясь былой близостью со своей Змейкой. В конце концов, он с сожалением разжал пальцы.

Но в сердце осталась тоска. Перед тем как закрыть глаза, он тихо вздохнул:

— Змейка... будь послушным... не злись...

Мо Янь хотел было высказать ему всё, что думает, и даже проучить, чтобы тот больше не смел так издеваться, но, услышав эти слова, замер с открытым ртом.

«Послушная змейка», «хорошая змейка» — так Лю Чжэчжи часто называл его раньше. С тех пор как он обрёл человеческий облик, этих слов больше не было.

Ладно, так и быть, прощу его на этот раз. В конце концов, он так устал, что даже глаз открыть не может.

К тому же, это он сам его и измотал. Да и вёл себя Лю Чжэчжи сегодня неплохо — даже начал разговаривать. Можно считать это наградой.

Размышляя так, Мо Янь самодовольно хмыкнул.

Лю Чжэчжи, радуйся. Ты зажал мне рот и остался жив. Такой чести не достаивался никто во всём мире совершенствующихся!

Можешь втихомолку ликовать!

Поскольку Лю Чжэчжи уже спал, Мо Янь, не стеснясь и не притворяясь, перебрался на кровать и обнял своего ароматного, мягкого заклятого врага.

Однако, обняв его, он вспомнил, что для усвоения изначального Ян необходимо личное участие Лю Чжэчжи. А тот уже спит. Неужели всё пропадёт зря?

Великий Демонический Владыка с четверть часа тайно рылся в своём пространственном кольце и, наконец, с пылающими ушами извлёк из угла некий предмет. Осторожно приподняв одеяло...

Когда Лю Чжэчжи проснулся, был уже полдень следующего дня. Зимнее солнце светило в окно, и, открыв глаза, он увидел комнату, залитую тёплым светом, что создавало необъяснимое ощущение уюта.

Но это ощущение длилось лишь мгновение. Вскоре Лю Чжэчжи почувствовал, что с его телом что-то не так, особенно ниже пояса.

— Проснулся?

Мо Янь, всё это время обнимавший его, придвинулся ближе, но не успел ничего сказать, как увидел, что тот пытается встать. Поднявшись до половины, Лю Чжэчжи с выражением крайнего изумления на лице пошатнулся и рухнул обратно на подушки.

— Эй, ты полегче! — Мо Янь проворно подхватил его и, заметив, что тот неотрывно смотрит вниз, вспомнил. — Это... ты спал, а изначальный Ян мог вытечь и пропасть зря. Я подумал, подожду, пока ты проснёшься, и тогда...

Он не договорил, но и этого было достаточно.

Лю Чжэчжи всё прекрасно расслышал. Каждое слово было понятно, а вместе они складывались в...

— Что?

Впервые с тех пор, как обрёл человеческий облик, Лю Чжэчжи заговорил сам, без принуждения Мо Яня.

— Что... это?

Внутри него было инородное тело. Если бы он и сейчас не понял, то был бы не просто беспомощным, а, наверное, парализованным.

— Ну... чтобы заткнуть.

— Что? — снова спросил Лю Чжэчжи, на этот раз его тон стал заметно строже.

Не то чтобы он злился, голос оставался таким же медленным и тягучим, но в нём появились вопросительные нотки, напоминавшие о тех временах, когда он отчитывал непослушную Змейку.

В процессе Мо Янь ещё чувствовал некоторую вину, но теперь, когда тот проснулся и задавал такие вопросы, его самолюбие разыграло. Разве мог он признать свою вину? Наглость взяла верх.

— Это нефрит, тёплый нефрит. Хорошая вещь. Чтобы заткнуть тебя, чтобы изначальный Ян не вытекал. А то вытечет — придётся новый давать. Так удобнее.

Сначала он говорил немного виновато, но чем дальше, тем увереннее становился его голос.

— Ты спал, я же не мог тебя разбудить, чтобы ты его усвоил. Я из добрых побуждений дал тебе отдохнуть, поспать спокойно, нашёл эту штуку для твоего же блага, а ты, проснувшись, с таким лицом на меня смотришь?

Обычно Лю Чжэчжи испугался бы его напора, но сегодня ощущение этого предмета внутри было настолько унижительным и раздражающим, что он всё больше убеждался, что Мо Янь — негодяй.

Мало того, что у него дурной характер, он ещё и законченный мерзавец.

— Я так о тебе забочусь, ты разве не должен меня благодарить?

При этих словах взгляд Лю Чжэчжи изменился.

Хм... этот извращённый Демонический Владыка не только держит меня за дурака, но и считает слабоумным, над которым можно издеваться как угодно.

Кажется... я немного злюсь.

За последние пятьсот лет в сознании Лю Чжэчжи впервые возникло слово «злость».

Он знал, что это одна из эмоций. До того, как он попал в этот мир, он испытывал её. Но сотни лет самосовершенствования, жизнь в секте, полной интриг и коварства, для человека с социофобией стёрли его прежний характер, сделав его эмоционально отстранённым, почти лишённым каких-либо душевных колебаний.

Сегодняшнее сильное чувство, которое он осознал как злость, было в новинку.

Но даже разозлившись, Лю Чжэчжи не выказал гнева. Он даже отстранённо подумал:

«А этот Демонический Владыка весьма силён. Смог меня разозлить».

Заклятый враг, с которым он сражался пятьсот лет и ни разу не злился, всего несколькими фразами сегодня вывел его из себя.

Однако, несмотря на злость, Лю Чжэчжи понимал, что в словах Мо Яня была доля правды. Терять изначальный Ян было бы расточительством. После всего, что он вытерпел, и с этим... предметом внутри, было бы глупо всё упустить.

Бессмертный Владыка Чжэчжи, даже разозлившись, оставался рассудительным. Сначала он усвоил изначальный Ян и лишь потом произнёс:

— Вытащи.

Он и сам мог бы это сделать, но... не мог заставить себя.

Это было слишком непристойно, слишком абсурдно.

Его тон был ровным, напомиавшим о тех моментах, когда он собирался применить какой-нибудь коварный метод наказания. Мо Янь рефлекторно вздрогнул. Мозг ещё не успел среагировать, а руки уже действовали. Он осторожно извлёк тёплый нефрит и, очистив его заклинанием, поднёс ему, чтобы показать.

— На... наставник, смотри, это и вправду хорошая вещь. Тёплый нефрит тоже полезен для тела, его в лекарствах используют.

Лю Чжэчжи, укрывшись одеялом до самого подбородка, сидел, прислонившись к изголовью, и, не мигая, смотрел на него.

Он не произнёс ни слова, но от его взгляда у Мо Яня по спине пробежал холодок.

— Наставник, ты... что с тобой?

— Немного злюсь.

На этот раз ответ последовал незамедлительно, и он был ошеломляющим. Мо Янь опешил.

— Ты умеешь злиться?

— Похоже, что... да, — Лю Чжэчжи на мгновение задумался. — Сейчас немного злюсь.

Хоть он и говорил это совершенно серьёзно, Мо Яню он показался каким-то наивным и даже... милым.

Спокойно сообщает, что немного злится, заранее предупреждает. Мо Янь не мог описать это чувство, но это было чертовски мило!

В нём появилось что-то живое, человеческое.

Эмоционально отстранённый Бессмертный Владыка Чжэчжи походил на бездушную марионетку. А теперь в нём появилась искра жизни, он стал похож на настоящего человека.

Пусть даже это он его и разозлил, но... но ведь это доказывает, какой он крутой!

Я разозлил Лю Чжэчжи так, что он стал похож на человека!

Мо... Мерзавец... Янь: Гордость!

Но эта гордость была мимолётной. Вскоре он заметил колебания духовной энергии в воздухе.

— Цинъюнь.

По зову Лю Чжэчжи меч Цинъюнь вместе со сложным массивом устремился к Мо Яню. Тот, вынужденный скрывать свою демоническую ци от остальных обитателей Секты Цянькунь, не мог действовать в полную силу.

В итоге ему удалось увернуться от меча, но он оказался заперт в неизвестном массиве в центре покоев.

Он мог бы прорваться силой, но это привлекло бы ненужное внимание.

— Наставник.

Раз грубая сила не подходит, великий Демонический Владыка прибег к своему бесстыдству, обращаясь к прекрасному лицу на кровати:

— Наставник, не стоит так серьёзно. Я дал тебе изначальный Ян, чтобы ты поправил здоровье, а ты, усвоив его, используешь полученную силу, чтобы запереть меня в массиве. Как ты через несколько дней предстанешь перед Демоническим Владыкой?

Лю Чжэчжи молчал, лишь его тонкие белые пальцы продолжали сплетать печати.

Через мгновение Мо Янь понял, что это за массив.

Массив смены облика.

Не спрашивайте, откуда он это узнал. Просто... поросёнок не может говорить.

В тот момент, когда его зрение сместилось ниже, Мо Янь ещё сохранял спокойствие, думая, что Лю Чжэчжи просто вернул его в первоначальный облик. Но когда он попытался пошевелить хвостом и почувствовал что-то не то, он с сомнением опустил голову.

И увидел розового... поросёнка?!

«Змейка, ты — поросёнок...»

В его сознании эхом пронеслись слова Лю Чжэчжи. Мо Янь посмотрел на себя, затем на довольное лицо своего заклятого врага на кровати и чуть не умер от ярости.

Лю Чжэчжи, ты вообще человек?!

Я боялся, что, прорываясь через массив, наврежу тебе, а ты так со мной поступаешь?

Ты и вправду превратил меня в свинью?!

Поросёнок был больше, чем та маленькая змейка, но всё равно не крупнее подушки. Розовый, милый, и, что самое главное... немой.

Лю Чжэчжи обожал немых существ. Потому что те, кто обретал дар речи, становились невыносимыми наглецами, и лучше бы у них этого дара и не было. Немые — вот что хорошо.

К тому же, поросёнок был таким милым. Лю Чжэчжи даже не чувствовал приступа социофобии и не думал о том, что это Мо Янь.

Хоть на этот раз ему и удалось превратить ничего не подозревающего Мо Яня в поросёнка всего на один день, Лю Чжэчжи был доволен. Он встал, взял на руки барахтающегося поросёнка и с нежностью принялся его гладить.

— Змейка, ты — поросёнок, но ты не говоришь. Немой поросёнок и Змейка — это хороший поросёнок и послушная Змейка.

Услышав это, Мо Янь чуть не задохнулся от возмущения.

Немой?

Думаешь, все должны быть как ты — иметь рот и не пользоваться им?!

Лю Чжэчжи, не переходи черту! Когда я вернусь в свой облик, тебе конец!

Спустя долгое время он наконец-то снова ощутил ту близость со своей Змейкой, которую так давно желал. Пусть сейчас тот и был поросёнком, Лю Чжэчжи знал, что это его Змейка, и был особенно нежен.

Это не Мо Янь, это моя Змейка.

Змейка — послушная змейка. А Мо Янь — негодяй, развратник, извращённый Демонический Владыка.

— Но у поросёнка нет чешуи.

Погладив его некоторое время, Лю Чжэчжи почувствовал, что чего-то не хватает. Но если он вернёт ему облик змеи, то снова вспомнит, что Змейка — это Мо Янь. Немного подумав, его осенило.

— Змейка, может, превратиться в большого пса? Пушистый, приятно гладить.

Мо Янь опешил.

Лю Чжэчжи, повтори, что ты сказал?

Ты что, чёрт возьми, задумал?

Заставить меня быть твоей собакой?!

<http://bllate.org/book/16980/1590287>